

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МОДИФИКАЦИИ

Исследуются две тенденции современного экстремизма – изменение целей экстремистских группировок и появление информационного экстремизма. Показано, что они определяют особенности структуры (переход от иерархической к сетевой структуре), методик (переход от силовой к информационной войне) и субъектов (переход от профессионального экстремизма к экстремизму дилетантов) современного экстремизма. Сделан вывод о том, что исходя из этих тенденций, можно говорить и о способах противодействия экстремизму, таких как устранение аксиологического кризиса и противодействие речевому воздействию.

Ключевые слова: экстремизм; информационный экстремизм; речевое воздействие.

Экстремизм занимает одно из заметных мест в современном научном и социальном дискурсе. Обсуждение проблем, связанных с явлением экстремизма, активно идет на страницах научных и публицистических журналов, в теле- и радиопередачах. Об этом феномене столь активно дискутируют в последнее время, что это позволяет говорить о необходимости и актуальности его рассмотрения. Проблемами экстремизма и экстремистских сообществ занимались многие исследователи, но в силу сложности самих явлений: исторической изменчивости и многочисленности вариантов экстремизма по линии субъект – объект, а также идеологической насыщенности идейно-политическими и социально-философскими установками и предпочтениями самих исследователей данных феноменов, экстремизм сегодня с трудом поддается объективному рассмотрению. Изначально негативная оценка действий экстремистов и политизированность современного мира во многом закрывают возможности исследования экстремизма, ограничивая их сферами юриспруденции и публицистики. Также сразу следует оговориться, что большинство исследователей связывают экстремизм с терроризмом, или никак не различая эти понятия, или называя последний радикальной и наиболее популярной сегодня формой проявления экстремизма (см. например, [1]) или предтечей терроризма, некоторой системой взглядов и убеждений, которую могут использовать террористы для оправдания своих действий [2. С. 42]. В результате тенденции, которые выделяются исследователями сегодня, относятся наравне как к терроризму, так и к экстремизму. Таким образом, учитывая все вышесказанное, выделяются следующие тенденции современного экстремизма:

«1. Крупномасштабность и массовые человеческие жертвы.

2. Отсутствие конкретных требований.

3. Международный характер.

4. Отсутствие более или менее ясной и доказанной информации, свидетельств об исполнителях и заказчиках терактов.

5. Мощное информационно-психологическое давление на людей (длительная и повторяющаяся трансляция происходящего по всем телевизионным каналам)» [3. С. 15].

Эти характеристики отражают современную ситуацию, но не являются исчерпывающими. Более того, по моему мнению, все они скорее следствие других тенденций, которые не столь очевидны, но тем не менее являются первопричиной происходящих изменений в сегодняшнем экстремизме. Но для того чтобы экспли-

цировать эти тенденции, недостаточно той методологической базы, которую нам дает традиционное рассмотрение экстремизма как объекта социальных наук, так как каждая из наук изучает лишь часть экстремизма, не давая универсального понимания этого феномена. Подобную дискретность, по моему мнению, может преодолеть социально-философский подход к экстремизму, так как он стремится объединить весь человеческий опыт и синтезировать знания обо всех социально значимых феноменах. То есть философия использует результаты исследования абсолютно разных наук и подходов – начиная от социологии и заканчивая юриспруденцией. Все это позволяет ей выработать целостное представление об интересующем нас феномене. Также социальная философия может не только объяснять социальное бытие, но и способствовать его преобразованию, т.е. предлагать пути решения проблемы распространения и растущей популярности экстремизма в современном мире. В контексте социально-философского анализа экстремистские сообщества рассматриваются как одна из частей целостной социальной системы, элементы которой взаимосвязаны и взаимозависимы. При этом данное явление исследуется в его постоянной динамике, т.е. в изменении и историческом развитии. Таким образом, основная цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать универсальные тенденции современного экстремизма в России и в мире, отвлекаясь от конкретных исторических проявлений.

Далее, если обратиться к перечисленным выше традиционно выделяемым тенденциям экстремизма, то их можно свести к двум – популяризация экстремистских идей, которая ведет к международному распространению экстремизма и увеличению числа его жертв, а также переход экстремизма в сферу информационных технологий. Таким образом, в рамках данной статьи нас будут интересовать такие тенденции современного экстремизма, как изменение целей экстремизма, что обеспечивает рост его популярности и распространение экстремизма на сферу высоких технологий. Обе из перечисленных тенденций являются основополагающими первопричинами того, почему сегодня экстремизм стал проблемой международного масштаба, одновременно превращаясь во все более популярную идеологию для современного человека. Ответом на вопрос, почему современная молодежь столь охотно следует за экстремистскими идеалами и идеями, является первая тенденция экстремизма – кажущаяся привлекательность и «высота» целей, которые он ставит перед собой. Но за последние тридцать лет экстремизм претерпел серьезные изменения в своих целях и в их аргументации.

В первоначальном виде экстремизм был прерогативой очень ограниченных по численности групп людей, которые относили себя к меньшинству, права которых угнетаются со стороны большинства. Этим объясняется наибольшее распространение таких форм экстремизма, как национальный и религиозный, так как конфликты на почве расовой и религиозной ненависти являются наиболее жестокими и неразборчивыми по выбору средств в достижении своих целей. Но в конце XX в. ситуация резко изменилась. Экстремизм стал настолько распространен, что экстремистские группировки уже нельзя назвать «угнетаемым меньшинством», их аргументации стали все более расплывчаты. И, наконец, появился новый, синтетический вид экстремизма – молодежный, который объединял абсолютно разных людей с разными целями. По мнению исследователя проблем молодежной субкультуры С.А. Эфиров, «...для молодежи, растущей, в основном, вне классической европейской культуры, наиболее существен конфликт на поведенческом уровне. Люди этого типа познают жизнь опытным путем, абсолютизируя собственный опыт и признавая лишь тех, с действиями которых они входят в резонанс (эффект узнавания). Врожденные способности обуславливают у них высокую скорость постижения жизни и наработки навыков ориентирования в постоянно меняющемся потоке событий. Резкое неприятие чуждой формы поведения слишком часто толкает этих молодых людей на преступление, так как этика нового поколения еще не сформирована, чувство меры не выработано и нормы не установлены» [4. С. 135]. Таким образом, цели, внутренние причины и задачи экстремистов могут быть абсолютно различны, но, несмотря на это, теоретически мы можем свести их к нескольким видам целей: это экстремизм как необходимость принудительной дипломатии, экстремизм как война за свои идеалы и экстремизм как предвестник нового миропорядка.

Если рассмотреть первую цель – экстремизм как принудительная дипломатия¹, – то при ее использовании экстремизм воспринимается как возможность защищать слабые или малочисленные группировки, которым не дают возможности для отстаивания своих интересов законными путями, т.е. фактически – призыв к восстановлению справедливости и оправдание своих действий тем, что других вариантов отстаивать свои интересы нет. Уровень насилия, используемый экстремистской группировкой, является строго ограниченным и соразмерным целям, поставленным перед экстремистами. В результате экстремизм воспринимается как одна из форм вполне законного вида деятельности – дипломатии. Вторая цель – экстремизм как война за свои идеалы, по сути является призывом к отстаиванию собственной индивидуальности и борьбе за свою самость, что также достаточно привлекательно для молодого поколения, у которого самовыражение является одним из основных жизненных приоритетов. В отличие от предыдущего обоснования экстремизма, при использовании этой доктрины уровень насилия не ограничивается никакими рамками, поскольку чем больший ущерб будет нанесен оппонентам, тем большая появляется свобода для самовыражения и тем больше людей смогут проповедовать те же идеалы, что и экс-

тремисты. Таким образом, это обоснование является одним из самых популярных среди экстремистов и, одновременно с этим, одним из наиболее разрушительных в своих последствиях. И, наконец, третья цель – экстремизм как предвестник нового миропорядка – утверждает экстремизм как наиболее быстрый и прямой путь к изменению существующей реальности и к переходу в новую эпоху, в которой насилие будет недопустимым. То есть экстремизм – это временная и вынужденная мера для перехода в новое общество. Но для того чтобы построить новое общество, необходимо до основания разрушить все наработки предыдущего. Следовательно, оппонент и его позиция подлежат полному уничтожению.

Популярность этих трех способов обоснования экстремистской деятельности подтверждается и выводами психологов о двух основных типах субъектов экстремистской деятельности. «Первые отличаются высоким интеллектом, уверенностью в себе, высокой самооценкой, стремлением к самоутверждению, вторые – не уверены в себе, неудачники со слабым «Я» и низкой самооценкой. Но как для первых, так и для вторых характерны высокая агрессивность, постоянная готовность защищать свое «Я», стремление самоутвердиться, чрезмерная поглощенность собой, незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей, фанатизм» [6. С. 45], хотя наличие качеств, описанных выше, и цели – еще не гарантия того, что человек примкнет к той или иной экстремистской группировке. В дополнение к идеологии, целям, качествам характера сама личность экстремиста должна быть неустойчивой в психическом плане. Экстремист нетерпим, он не может быть уравновешен и спокоен по отношению к противоположной стороне. По мнению ряда психологов, социально-психологическая устойчивость предполагает устойчивость к многообразию мира, к этническим, культурным, социальным и мировоззренческим различиям. Она выражается через систему социальных установок и ценностных ориентаций и, опираясь на способность к сохранению нервно-психического равновесия в самых разных жизненных ситуациях, в идеале должна сформироваться как нравственный императив зрелой личности [7]. Следовательно, можно говорить о том, что перечисленные цели являются фактически целями инфантильных личностей, не способных к зрелым и взвешенным суждениям. Таким образом, каждая из этих целей находит отклик именно у молодых людей по всему миру, так как полностью совпадает с жизненными приоритетами.

Однако может ли экстремизм существовать, опираясь лишь на подобные идеалистические цели, и всех ли экстремистов можно назвать незрелыми личностями и фанатиками? На наш взгляд, нет. Перечисленные выше цели являются в каком-то роде еще одним способом популяризации экстремистских убеждений и несут в большей степени характер идеологического воздействия на сознание рядовых членов экстремистских группировок. В действительности цели экстремизма несравнимо практичнее и более легкодостижимы. В каком-то смысле они более банальны – получение власти, материального благополучия и т.д. Можно говорить и о том, что экстремизм становится сегодня уже не целью,

а средством достижения собственных целей для отдельных государств. В 1997 г. Государственный Департамент США обозначил семь стран как спонсоров терроризма: Куба, Иран, Ирак, Ливия, Северная Корея, Судан и Сирия. Это позволяет говорить о том, что экстремистские группировки зачастую становятся не самостоятельным образованием, а своеобразным придатком к другим более крупным структурам.

Следующей тенденцией, которую мы рассмотрим в рамках данной статьи, является переход экстремизма в пространство информационных технологий. Прежний образ профессионального экстремизма, руководствующегося идеологией и стремлением к национальному освобождению, действующему согласно определенным политическим целям, в открытую финансирующемуся правительствами, уже исчезает. На его место приходит информационный экстремизм, где один человек – носитель экстремистского сознания – в потенции может стать более разрушительным по своему масштабу, чем самые многочисленные экстремистские группировки. Мы говорим «в потенции», так как пока информационный экстремизм только набирает обороты и еще не вышел на мировую авансцену, хотя, с учетом современного развития информационных технологий, его эпоха не за горами. Основным оружием этого вида экстремизма является не разрушение домов и символов существующего строя, а нарушение коммуникаций с целью возникновения хаоса в сегодняшнем информационном обществе.

Субъектом информационного экстремизма может стать как целое сообщество, так и один человек, для которого, впрочем, также свойственны черты субъекта экстремизма, а его методом является речевое воздействие. Исследование проблемы речевого воздействия и языковых механизмов влияния на человеческое сознание имеет достаточно долгую историю, ее рассматривали и философы, и литераторы, и лингвисты. Также, когда мы говорим о речевом воздействии, необходимо осознавать, что «...термин “речевое воздействие” полисемантичен. За определением “речевое” может стоять устная и письменная речь, даже внутренняя речь. Понятие речевого воздействия складывается из нескольких составляющих. Во-первых, непосредственно “воздействие”, которое определяется как некоторый процесс, имеющий цель и направленный на объект. Таким образом, можно говорить об интенциональности речевого воздействия как об одной из его важнейших характеристик. Речевые воздействия интенциональны, а это значит, что в них содержится потребность и желание говорящего оказать определенное влияние на слушающего» [8. С. 160]. Таким образом, само речевое воздействие всегда запланировано с какой-то целью, а характер этой цели обусловлен мотивом, некоторым психологическим состоянием говорящего. В общем виде целью любого речевого воздействия является побуждение объекта речевого воздействия к определенным действиям, которые будут отвечать потребностям субъекта речевого воздействия.

Также необходимо учитывать скрытый характер речевого воздействия на объект. И в результате формируется представление о субъекте речевого воздействия как об активном участнике коммуникации, а об объек-

те – как о пассивном. Цель коммуникации становится односторонней и способствует решению задач и удовлетворению потребностей только одного коммуниканта. Вследствие этого у субъекта формируется особое представление об объекте своего воздействия. Объект выступает как нечто овеществленное, и, таким образом, субъект речевого воздействия находится в позиции превосходства над своим объектом. В результате именно этот аспект теории речевого воздействия можно применить в исследовании информационного экстремизма: информационный экстремизм как неравноправная коммуникация, и экстремистские сообщества как субъекты этой коммуникации. Таким образом, при исследовании информационного экстремизма власть языка следует связать с речевыми манипуляциями и неэтичным отношением к объекту. Соответственно, в рамках информационного экстремизма используются разнообразные механизмы, например, такие, как лингвистическая демагогия, пропаганда и т.д.²

В результате открываются почти безграничные возможности влияния на развитие общества, так как у экстремиста есть возможность повлиять на его ценностные категории, которые являются «семантическими и одновременно когнитивными конструктами, определяющими поведение человека и его восприятие действительности, формирующие оценки происходящих событий и разделяющие наше окружение на друзей и врагов» [10. С. 167]. Так, например, во многом информационный экстремизм провоцирует появление множества экстремистов-дилетантов. Раньше экстремизм был не просто желанием и мотивацией к действию, но также и возможностью осуществить это желание, были необходимые подготовка, доступ к оружию и знания, т.е. экстремизм не был чем-то пропагандируемым и легкодоступным. Сегодня с экстремистскими методиками могут быть легко ознакомиться в книжных магазинах или в Интернете. Экстремизм стал доступен каждому недовольному не только как идеология, но и как способ осуществления действий по выражению этого недовольства.

Чем же отличается информационный экстремизм от других проявлений речевого воздействия? Воздействие на субъект – не цель, а лишь средство к достижению этой цели, и эту основную цель субъекты экстремизма не скрывают, а наоборот «выставляют» как основу своей деятельности, как правило, они предают гласности то, что стремятся скрыть легитимные СМИ, воздействуя на аудиторию сценами насилия и открытостью своих суждений. На сегодняшний день проблема информационного экстремизма на ценностные ориентиры общества стоит особенно остро, так как «нынешний этап развития информационных отношений характеризуется возможностью информационного воздействия на индивидуальное и общественное сознание, вплоть до угрозы информационных войн, в результате чего неизбежным противовесом свободы информации становится проблема информационной безопасности» [11]. В результате экстремистские сообщества не только захватывают все новые сферы информационного пространства, но и с успехом прививают собственные аксиологические установки широкой аудитории. Таким образом, информационный экстремизм – это подгото-

вительная ступень для других видов экстремизма, формирующая благоприятную среду для распространения и принятия экстремистских идей и идеалов.

Таким образом, мы рассмотрели две основные, на наш взгляд, тенденции развития современного экстремизма: изменение целей и появление новой формы экстремизма – информационного. Экстремисты организуются в новые, не строго иерархизированные группировки, где зачастую костяк составляют не профессионалы, а дилетанты – молодые люди, по тем или иным причинам примкнувшие к экстремистскому движению. Исходя из этих тенденций, мы можем говорить и о способах противодействия экстремизму. На наш взгляд, это прежде всего устранение аксиологического кризиса современного общества, когда старые ценности (формы отношения к общепринятым стандартам и образ-

цам) уже не работают, а новые еще не выработаны. Поэтому экстремистские сообщества, которые дают новые ценности, а также твердую уверенность в их существовании и незыблемости, пользуются такой популярностью сегодня, особенно у молодежи. Единственный способ вырваться из этого замкнутого круга – создать новые ценности. Именно в этом состоит основная задача современной философии, СМИ и государства – рождение новых смыслов. Но следует отдавать себе отчет, что никто с точностью не может предсказать будущий курс экстремизма. Опасность возникает, когда предположение становится основой для запуска дорогостоящих мер предотвращения и предупреждения угрозы, или, что еще хуже, когда политики верят, что широко разрекламированные профилактические или сдерживающие меры отпугнут подобных противников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Экстремизм как принудительная дипломатия является сегодня одним из наиболее обсуждаемых оправданий насильственных действий, совершаемых экстремистами, так как дает видимость контроля над уровнем насилия, а также обозначенную, конкретную и достижимую цель, которая способна вызывать понимание и даже определенную симпатию обычных людей. Особенно остро вопрос о допустимости и приемлемости такого объяснения экстремистских действий ставится в США. Подробнее об этом сказано в работах А. Джорджа и У. Симмонса [5].

² Речевое воздействие как осуществление власти языка наиболее полно рассматривается в работах А.Н. Баранова, Р.М. Блакара, Л. Войтасик и т.д. Причем, по мнению упомянутого М. Блакара, «выразиться “нейтрально” невозможно, поскольку даже неформальный разговор предполагает “осуществление власти”, то есть воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком» [9. С. 96]. Таким образом, можно поставить проблему естественности экстремистского сознания и умонастроений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдеев Ю.И.* Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под. ред. Е.И. Степанова. М., 2000. С. 41–42.
2. *Martin G.* Understanding terrorism: challenges, perspectives, and issues. Thousands oaks: Sage publications, 2006. 535 p.
3. *Журавель В.П.* Гражданское общество: проблемы идеологического и информационного противодействия терроризму // Право и безопасность. 2004. № 3. С. 10–19.
4. *Эфиоров С.А.* Социальные импликации экстремистского сознания // Вопросы истории и критики буржуазной социологии. М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1983. 180 с.
5. *George A.L., Simons W.E.* The limits of coercive diplomacy. Boulder: Westview Press, 1994. 310 p.
6. *Психологи о терроризме (материалы «Круглого стола»)* // Психологический журнал. 1995. № 4.
7. *Баева Л.В.* Экстремизм: природа и формы проявления. URL: <http://www.aspu.ru>
8. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: Изд-во МГУ, 1988. 207 с.
9. *Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88–126.
10. *Баранов А.Н.* Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М: ЦС филос. семинаров при президиуме АН СССР, 1988. С. 166–179.
11. *Крылов Г.О.* Международный опыт правового регулирования информационной безопасности и его применение в РФ. URL: <http://www.law.edu.ru>

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 14 сентября 2010 г.